

А почему вы задаёте такие вопросы? Вы неужели думаете, что я уморил своего предыдущего? Да нет, я не обижаюсь. Конечно, сейчас столько садистов развелось – а по внешности иногда и не скажешь. Не хочется отдавать кому попало, я понимаю. Даже за деньги. Даже за такие немаленькие.

Выставка уже закрывается, а он перерос тыш, его вряд ли кто купит... Он у вас один остался такой серенький? Дайте-ка я в глаза ему посмотрю. Ну что могу сказать: да. Это мой кот. Меня ждал.

Вас как зовут? Нина? Приятное имя.

Ниночка, у меня все коты всегда были серые.

Помните, в «Трёх мушкетерах» глава называлась «Ночью все кошки серы»? Мои серые и днём, и ночью.

Преыдуший мой умер от старости. И два других, что были до него, ушли тоже по этой причине – просто потому что жизнь их закончилась. Я как-то подсчитал, что в среднем на человека приходится примерно четыре кота – если он первого заведёт в осознанном возрасте, как я. Кот живёт лет десять-пятнадцать, возьмите максимум, умножьте на четыре – и получите разумную человеческую жизнь протяжённостью в четыре кошачьих.

Мишка, мой первый кот, был подарком жены к тридцатилетию.

А завтра мне исполнится семьдесят пять, Ниночка.

Спасибо, но заранее не поздравляют. Да, я знаю, что по мне никогда не скажешь. Сверстники меня своим не воспринимают.

Я считаю, это во многом благодаря котам.

В начале семидесятых – вы, конечно, не можете этого помнить, Ниночка, – с кошками никто так не носился, как теперь. Они были не самоценные животные, а как бы вспомогательные. Коты были обязаны по части мышеловли, ну или чтобы с детьми играли, особенно с такими, что просят собаку. Покупать кота приходило в голову только тем, кто мог себе такое позволить, – и они брали сиамских или ангорских. Нет, Ниночка, персидские появились ближе к девяностым...

Спасибо, с удовольствием присяду – ноги уже не держат. И от чая не откажусь, только если можно, в кружку, а не в стаканчик. Не люблю пить горячее из стаканчиков.

Вот. А простые люди подбирали котят на улице – их и дворники раздавали, и сердобольные хозяева, у кого кошка окотится. Обычно-то, конечно, топили, нормальное дело.

Куда можно выбросить чайный пакетик?..

Жена у меня, Ниночка, была одна-единственная, но при этом я всегда говорю, что женат был на двух женщинах. Сможете решить такую загадку? Не страшно, я и сам бы не смог, но жизнь иногда такие перед нами ставит вопросы, что поневоле станешь умным, даже если родился дураком... Я был женат на двух женщинах потому, что жена моя стала однажды совершенно другим человеком. Я начинал жить с одной Машей, а закончил – с другой. Вот такое невольное разнообразие, туды его, как говорится, в качель.

Нет, Ниночка, дело не в том, что все люди меняются, – конечно, меняются, но не настолько. Маша у меня была весёлой, энергичной девушкой. Увлекалась туризмом, на аккордеоне играла. Смелая была, решительная. Комсорг курса. Она меня, Ниночка, сама выбрала – я даже опомниться не успел, как мы уже в кино сидим и целуемся. Верите, с тех пор в кино и не хожу – какой бы фильм ни шёл, мне всегда... А, да ладно! Можно и телевизор посмотреть, хотя в последнее время там всё как для идиотов показывают.

Мы поженились, когда она диплом получила.

У вас, Ниночка, есть дети? Да, с удовольствием посмотрю фотографии. Какой взрослый мальчик! На третьем курсе юридической? Ну надо же. А дочка – в восьмом классе? Красавица! Глазки ваши. Счастливая вы, Ниночка.

У нас с Машей восемь лет ничего не получалось, а она так хотела ребёнка, что это уже превратилось прямо в какую-то манию. Каждый месяц как под ножом ждали. Маша то плакала, то молчала неделями, то на работе

пропадала, то вдруг прогуляла чуть не две недели – я по знакомству делал бюллетень...

И вот накануне моего тридцатилетия берёт вдруг и приносит домой котёнка. Сам серенький, уши большие, а хвост немного погнутый на кончике, видно, наступил кто. На лобике – полоски в виде буквы «М».

Я к тому времени уже был начальником отдела в тресте. В партию приняли единогласно, несмотря на молодость. Квартиру получили. В очереди на машину стояли... Телефон домашний провели одним из первых в доме. Единственное, что омрачало, – это вопросы окружающих. Когда, да что, да почему.

И вдруг – котёнок. Сидел, говорит Маша, на канализационном люке и грелся. День холодный был, но он не пищал. И походил на медвежонка, потому и назвали Мишкой.

Характер у Мишки был отвратительный. Всё делал зло, не уважал ни меня, ни жену, а уж гадил, я бы сказал, просто изобретательно! С выдумкой. То в семечки, извиняюсь, насыт. То на подушку крендель выложит – причём, как только свежее бельё постелют. Орал истошно да по любому поводу. С прогулок проходил весь израненный – тогда ведь, Ниночка, котов пускали гулять на улицу, и даже считалось нормально, если они сами себе пропитание добывали. Мышей таскал, птиц – причём, так интересно, он их в газеты заворачивал, будто упаковывал! Газеты старые у нас всегда лежали в секции – мало ли, понадобятся пионерам на макулатуру. Вот Мишка вытаскивал оттуда листок – и добычу заворачивал. Как умел, конечно. Лапами-то не особо...

Красоты в нём не было: длинный, тощий, – гадюка, а не кот. Разве что окрас памятный – мышасто-серый.

Вначале Маша его полюбила без памяти. Он спать ещё с детства приноровился у ней на голове – как шапка

лежал, лапы свесив по обе стороны лица. Иногда разыграется, начинает грызть ей волосы и кожу захватывает больно, а она терпит:

– Он зверь, ему надо!

А мне, Ниночка, давным-давно один знакомый сказал мудрую вещь: «Серёга, никогда не думай за животное!» Не помню, по какому поводу это было сказано, но очень к месту. Мы с вами можем только догадываться, что у них там в шерстяной голове варится...

Ну и вот, Мишка, значит, злодействовал, вся семья от него претерпевала, а Маша вдруг объявляет мне с огромным счастьем в глазах, что беременна. И заявляет:

– Мишку надо будет отвезти в деревню.

Тогда ведь, Ниночка, от взрослых котов чаще всего как избавлялись – ребятишкам утверждали, что сбежал ваш Васька, а сами увозили его в мешке в ближнюю деревню и прямо на улицу выпускали.

Я сказал: не надо Мишку в деревню – мало ли что там ей подружка-врач наговорила про аллергию, всё равно я не готов с ним расстаться, несмотря на все его недостатки. Коты, Ниночка, становятся частью нашей жизни – порой не можешь что-то вспомнить, а кот хвостом махнёт в памяти, и вдруг целая картинка оживает... Летнее утро, миска с черешней, блюдец с косточками, Маша, которая ест черешню и превращает ягоды в косточки... Из-под кровати вылезает тощая серая лапка с кривым коготком и шарит наощупь... Как мы были счастливы втроём!

Потом родился Антоша. Это была Машина идея назвать его Антоном – лично мне больше нравился вариант с Гориславом, Борисом или Романом. Именно буква «р», я недавно читал, придаёт мужским именам характер.

Знаете, Ниночка, как это тяжело – открывать в родном и любимом человеке неприятные черты... Какую-то чёрствость, непорядочность я начал видеть в Маше, когда

она стала матерью. Какое-то равнодушие в ней проросло ко мне и к Мишке. Её теперь совершенно не волновало, если я уйду на работу без горячего завтрака, или что у Мишки глаз открывается только наполовину – я знаю, так бывает у котов, если они кислое понюхают, но тогда я не был в курсе! Она вся переключилась на ребёнка, ослепла и оглохла... Я приобрёл в честь рождения сына серёжки золотые с фианитами, так она даже не рассмотрела их как следует и носить не стала – видите ли, малыш может потянуться ручкой и оцарапаться! К Мишке она тоже остыла, но теперь уже не заговаривала о том, что его надо в деревню, – даже ласкала его, но, как и меня, мимоходом.

А Мишка очень стремился попасть в детскую к малышу – орал под дверь, прорывался туда при первой возможности, но Маша не разрешала, потому что может попасть шерсть, лишай и неизвестно что.

Вот ещё интересное наблюдение, Ниночка. Когда я звонил жене с работы, она всегда была такой ласковой, так щебетала, что я летел домой буквально на каких-то крыльях, но стоило мне «долететь», как тут же выяснялось, что Антон спит, а ей надо постирать-погладить, всё это ваше женское. Ну, конечно, Ниночка, я понимаю, что она стирала и гладила не только женское! Я вообще не о том. Мне просто стало казаться, что я Маше мил только на расстоянии, по телефону. А когда она меня видит, так тут же и разочаровывается. Никогда этого никому не говорил, Ниночка. Смотрите, котик-то наш уснул. И лапки так славно под себя подвернул...

Вот, стало быть. А Маша мне в ответ на все мои упрёки отвечала только одно: «Неужели ты не видишь, как я устаю? Ведь мне совсем никто не помогает, ни бабушек у нас здесь, ни дедушек – все далеко и работают».

Тогда я предложил позвать бабу Фросю из соседней квартиры – ей и платить не надо будет, она сколько раз

предлагала безвозмездно. Маша подумала и согласилась. Антон тогда уже подросток немного, когда его брали на руки, прыгал вот так на коленях, ну знаете, как младенцы прыгают, если их под мышки держат. И он бабе Фросе порвал единственное платье – с такой силой прыгал, что оно треснуло. Мы думали, она расстроится, а она только посмеялась: ишь какой мужик растёт! Хорошая была старуха. Потом как-то враз обессилела. Сын к ней переехал квартиру караулить, чтобы другие братья-сестры не перехватили. А у нас всё через стену слышно, что у них происходит, – слышимость-то сами знаете какая была в то время. Сын кормит мать и кричит на неё:

– Жри, скотина! Полную ложку бери, сволочь! Маша прямо содрогалась вся. Просила меня повлиять на него, потому что Антон уже стал своих игрушек звать «скотиной» и «сволочью». Но я не стал, Ниночка, с ним говорить – он бы всё равно ничего не понял. Он явный сиделец был, весь в портахках. Я просто семью осиротил бы, если бы с таким человеком стал иметь дело. Я с ним даже не здоровался, и он стал плевать в отместку мне на машину – у нас уже тогда был «Москвич», гараж был, и вообще жили мы, Ниночка, дай Бог каждому.

Когда Антон подросток, Мишку стали к нему подпускать, но у них никакой симпатии не получилось. Все мои коты были, честно сказать, именно мои – Машу они только терпели, а сына даже терпеть не могли. Антон вырос совершенно равнодушный к животным. Нет, нет, он уже давно не с нами...

Года три Антону было – так Мишка ему дорогу перекрывал, умора! Антон шагает по своим делам, а кот встаёт на пути – и шипит. Тот в слёзы, конечно... Маша смеялась, говорила:

– Тоша, просто скажи: «Брысь, Мишка!»

А ведь это слово – «брысь» – тоже сейчас совершенно забыто, Ниночка. Теперь к котам так не обращаются.

Когда Антон пошел в детский сад, там на него стали сразу жаловаться – ребятки обижают, поделки не лепит, в сончас мешает окружающим.

Маша разговаривала с сыном, наказывала, строжила – всё было без толку. Тогда она стала утверждать, что характер в любое живое существо закладывается высшей силой и не надо переоценивать возможности воспитания. Говорила:

– Серёжа, мы не боги всеильные, а всего лишь родители.

А у меня с сыном взаимопонимания не было. У нас даже простого понимания не было! Он почему-то еще с пелёнок смотрел на меня как бы свысока и без всякого уважения. Я ему только отдавать должен был, а моим мнением он не интересовался. Всё с матерью сидели, шептались. Они вдвоём, заодно, а мне только кот оставался. Приду с работы – Мишка в коридор выбегает, мурлычет, брюки у меня вечно в шерсти! И никто больше не встречает.

Маша к тому времени уже начала меняться до полной неузнаваемости. Вы не верьте, Ниночка, если вам скажут, что кто-то, дескать, резко изменился. Это один случай на миллион, когда резко. А у обычных людей – в день по чайной ложке.

Я долго понять не мог, что с ней случилось, отчего она всё молчит теперь и еду на стол ставит с каким-то осуждением. Спрашивал, она не отвечала. Посадит Антона рядом и сказку ему читает – «Дикие лебеди». Очень она выразительно читала про этих лебедей. Но в садике по-прежнему жаловались, даже одна родительница Машу вечером после работы подкараулила и сказала, что такого мальчика нельзя пускать в приличное общество! А он, Ниночка, всё-таки носил мою фамилию. И цеплял при этом только самое плохое отовсюду. Знаете, бывают такие слабые дети, которые от любого чиха

болеют – даже если чихнули в соседнем микрорайоне? Вот, а наш подхватывал только разную гнусь – хорошее у него не усваивалось. Матерщину с гаражей читал. Окурки подбирал на улице. На шпану прямо с восторгом глядел – как на идеал!

На Машу всё это очень плохо действовало. Она и наказывать его пыталась, и по-хорошему с ним разговаривала – «так делать нельзя, понимаешь?» Антон говорил «понимаю», а сам ровно через минуту делал то же самое. Не мог себя побороть.

А меня из процесса воспитания исключили после того случая в первом классе. Ещё даже по именам друг друга не все дети знали, а наш уже отличился. Бегал на перемене и толкнул мальчика – тот упал и руку сломал. Родители, правда, приличные попались – не стали никуда жаловаться, но домой нам всё-таки позвонили. Просили повлиять на сына.

Маша уже на пределе была, вот я и сказал, что сам со всем разберусь.

Она догадалась, мне кажется, потому что быстро собралась и ушла из дома. Я ещё не знал тогда, что никогда больше её не увижу – ту Машу, с которой прожил столько лет... Антон сидел у себя в комнате. Я его по щеке ударил, несильно – щека такая мягкая оказалась, и зубки почувствовались. Думал, заревёт, а он – нет. Только усмехнулся как-то по-взрослому.

Вот тогда я его и выпорол по-настоящему, ремнём. И он, представляете, Ниночка, ни одной слезы не уронил – в семь-то лет! Зато Мишка выл под дверью прямо как собака, хотя он к Антону никаких чувств не испытывал – обходил его всегда стороной.

Маша вернулась через час, бросилась к сыну в комнату, плакала. А я с котом на коленях сидел целый вечер – гладил его, гладил, пока весь не заискрился. Рука-то прямо горела от той пощёчины...

После стало ещё хуже. Учиться Антону не нравилось, в школу ходил только потому, что нашлись там такие же друзья-товарищи: без руля, без ветрил. В восьмом классе уже пили-курили как взрослые. В девятый сына не приняли, даже ПТУ было под вопросом, и у меня на работе об этом узнали – тогда ведь не такие времена были, как сейчас... Начались неприятности, жалобы разные. Руки на него я больше не поднимал – Маша сказала: «Если не хочешь, чтобы я от тебя ушла, не смей к нему подходить ни с плохим, ни с хорошим!». Как-то так у неё получилось, что это я во всем виноват – и что сын такой родился, и что я его тогда «избил», а надо было воздействовать словом...

В общем, Ниночка, ПТУ он не закончил, потому как был к тому времени законченный наркоман. Похоронили мы Антона в 1990 году – и даже не заметили, как страна развалилась, жили несколько лет как в тумане: руку свою видишь, а дальше – молоко небесное.

А Мишка умер через два года – весь был уже седой, серебряный прямо. Долгожитель. Под старость совсем уже трудно с ним было – он не из вредности гадил, а просто потому что не получалось иначе. Старость у всех одинакова, Ниночка. В юности тебе душа собственная не подчиняется, а в старости – тело. Но я даже благодарил мысленно Мишку за это – потому что дома было постоянное занятие.

Похоронил я его во дворе, под рябинкой – ночью, когда все спали, вырыл яму и простился. Поплакал, конечно, над ним – вы же понимаете, Ниночка, мы к ним привязываемся ещё больше, чем к людям. А Маша, та слезинки не уронила. «Я, – говорит, – теперь как деревянная – ничего не чувствую».

И всё-таки следующего кота опять она к нам в дом принесла – он был кладбёныш. Месяцев пять с виду, тоже серый, но ещё и полосатый. Сидел на могиле Антона, вот

Маша и напридумывала, что это его душа к нам таким образом обращается.

Лично я у Антона никакой души не помню вообще – сколько он с нами прожил, ни разу не поинтересовался ни самочувствием моим, ни делами на работе. Конечно, я расстроился, когда он умер – не каждый день детей хоронишь, но было к этому примешано ещё и облегчение, Ниночка. Нехорошее такое, позорное облегчение. Я с того случая в первом классе понял, что не выйдет из него толку, хоть каждый день его пори. Он и в тюрьму мог попасть, и убить кого-нибудь – не сморгнул бы.

А Маша, чем больше лет проходило, наоборот, всё обеляла и обеляла его память. Какие-то истории умильные придумывала из детства и обижалась – почему же я их не помню?

Я помнил только, как Мишка его «закрывал» в коридоре – и не пускал идти дальше. А, уже рассказывал про это?..

Ну и вот, значит. Нового кота назвали Грэй – в честь того капитана из фильма. Как раз в тот день передавали по первой программе. Умный оказался – на диво! И характер золотой. Вроде бы приبلудный кот, а сразу понял – куда нужно ходить, где его миска и всё такое. Сам был сдержанный: лишний раз не мяукнет, и на улицу выходить отказывался – может, боялся, что его опять там оставят?..

Целыми днями Грэй сидел на подоконнике в кухне, между цветочных горшков, наблюдал за прохожими и птицами. А Маша вдруг собралась в Израиль, потому что имела немного еврейской крови – и подругу в обществе «Сохнут». Меня она вроде как с собой не приглашала, и общения у нас к тому времени вообще никакого не стало – мы с ней общались только через Грэя. Он свернётся бубликом, мы оба улыбнёмся и поговорим об этом из вежливости, как случайные встречные.

Раньше мы оба двигались по партийной линии, Маша даже преподавала марксизм-ленинизм, но с этими новыми порядками линию нашу вовсе отменили. Жена осталась без работы, мой трест не закрыли, но платить перестали – в общем, времена пришли тяжёлые. Помню, как летом всерьёз ходил за грибами и ягодами, потому что есть было нечего – занимался собирательством, как при первобытно-общинном строе. И ваша мама тоже так делала, Ниночка? Неудивительно. Дрянное время было! Я понимал, что в Израиле будет полегче, но ещё раз говорю – с собой меня никто не звал. И крови никакой такой у меня не имелось.

Когда уже почти все документы у Маши были готовы, я понял, что надо срочно что-то делать, иначе она уедет, а мне здесь просто не выжить одному. И не хотел я без неё выживать, Ниночка, я ведь любил её, просто не всегда мог понять. Одно с другим вместе не ходит.

На лицо её уже совсем узнать нельзя было – она и так всегда была худенькой, а тут совершенно есть перестала, прямо веточкой стала. Курила очень много и волосы вдруг выкрасила в рыжий цвет.

Я чувствовал, что у неё начинается какая-то другая, новая жизнь – где не будет места ни мне, ни Грэю, ни даже памяти о сыне. И о Мишке.

Лично я сам в Израиль не стремился, потому как считаю, Ниночка, что никому мы там не нужны. Мы и здесь никому не нужны, и необязательно для этого ехать через полмира и учиться писать закорючками. Но я всё-таки проконсультировался у знающих людей, и меня научили, как подделывать свидетельство о рождении – надо вписать национальность матери «еврейка». Всё это я сделал, опасаясь судебного преследования, поскольку нарушал закон, – и показал как-то вечером Маше. А она расхохоталась в первый раз с 1990-го года:

– Серёжа, этот бланк отпечатан в 1985 году!

Я тогда спросил её всерьёз: неужели она меня оставит здесь одного, ведь у меня родители были очень старые, жили далеко в области, а никаких близких я себе кроме неё не завёл.

– Грэй с тобой останется, – серьёзно сказала Маша. – А я должна новую жизнь начать, Серёжа, пойми меня правильно. И отпусти, пожалуйста.

С таким видом сказала, как будто я её за руку схватил и держал.

Грэй как чувствовал, что дома неладно, – стал беспокойным, крикливым. Мы ветеринара позвали, он предложил кастрацию – если, говорит, вам нужен домашний кот, то и нечего ему мучиться самому и вас мучить.

Всё-таки, Ниночка, у животных жизнь несколько проще, чем у людей. Грэй несколько дней после операции пролежал, никак в себя прийти не мог, – а потом проснулся однажды совершенно счастливый. И спокойный.

А я, наоборот, заболел. Маша потом говорила: «Ты это специально, ты нарочно, ты знал, что я не смогу бросить больного!» Не знаю, как так вышло, но меня увезли на «скорой» с сильнейшим приступом язвы, и доктора Маше заявили, что без внимательного ухода и строгой диеты я долго не протяну.

В общем, Израиль остался где он и был – на географической карте. Маша меня не бросила, соблюдала все рекомендации врачей, и я довольно скоро пошёл на поправку. Жареное мне до сих пор нельзя, но в целом я себя чувствую куда лучше, чем двадцать лет назад. Тогда же примерно один мой коллега из треста затеял совместное предприятие с немцами, пригласил меня к себе замом – и с тех пор я грибы с ягодами принципиально не собирал, а только покупал с большим облегчением у граждан на троллейбусных остановках. Жить мы стали намного луч-

ше и веселей – как нам, в общем, и обещалось. Сделали ремонт, из старых вещей, как я шутил, остался только кот. Машину взяли новую, отдыхать научились за границей. Грэю покупали самый дорогой корм, приобрели трёхэтажное дерево для лазанья, но оно ему не понравилось. Антону поставили шикарный памятник – из привозного камня, с оградкой чугунного литья. Маша всегда была со мной рядом, со стороны глянешь – не супруга, а мечта! Курить бросила, волосы стала осветлять, окончила курсы по английскому языку и ещё другие, чтобы рисовать живописью. На людях под руку меня брала, на совместных фотокарточках обнимала, но когда мы одни оставались – я для неё тут же исчезал.

– Я тебя не просто не люблю, – сказала однажды задумчиво, – я тебя даже не уважаю.

А ведь если задуматься, уважать меня было за что: не пил, не курил, с бабами чужими не возился, деньгами не обижал – а ей, видите ли, не хорош.

Ну я и сказал ей:

– Так уходи! Давай разведёмся!

Сказал, а сам испугался: что, если согласится? Маша только рукой махнула:

– Какой теперь развод? Столько лет вместе прожить, даже к ненависти привыкнешь... Я тебя не люблю, Сергей, но разве это теперь важно? Все эти «люблю», «не люблю» – они для молодых.

Грэй на руки подхватила – и ушла в бывшую Антошину комнату. Она там в последние годы спала, на диванчике. И Грэй засыпал у неё в ногах, но под утро всё равно ко мне прибегал.

Я тогда вздохнул с облегчением. Старался её с тех пор хоть чем-то радовать – подарки делал, картинками её целую стену завешал, хотя они мне и не слишком нравились – тёмные были и грустные.

Маша умерла в 2003 году – руки на себя наложила. А Грзя не стало через год, день в день – хотите верьте, хотите нет. Ух, как он мучился – исхудал весь, шерсть вылезла, зубы повыпадавали... Ветеринар – тот же самый – пришёл к нам и говорит:

– Давайте усыпим, Сергей Валерьевич, ну что же он будет сам мучиться и вас мучить?

Поставил ему укол, и закрыл второй мой котик глазки навечно.

Я похоронил его там же, под рябинкой, рядом с Мишкой. Подумал: им там веселее будет лежать, – и мне, когда мимо иду, есть кого вспомнить.

Вот так и остался я, Ниночка, один в целом свете. Ни сына, ни жены, ни родителей – они к тому времени скончались у себя в области. С друзьями тоже как-то не сложилось – дружба занимает столько же времени, сколько любовь, если не меньше, а я временем всегда дорожил, Ниночка.

Я так много работал в те годы, а потом оказалось, что тратить заработанное мне не на кого – только на себя, как говорится, грешного.

Памятник Маше я тоже поставил хороший – не экономил. Рядом с сыном место купил, долго сидели с девушкой из фирмы, выбирали камень, разное другое оформление... Сейчас все говорят – одно из самых красивых надгробий в нашем секторе.

А годы мои были ещё не старые, Ниночка. Жениться больше не решился, хотя соседи из квартиры напротив, где раньше баба Фрося жила, очень хотели меня свести с какой-то своей племянницей, но я эти намёки решительно пресёк. Я думаю, это они же самые подкинули мне под дверь третьего кота – потому что откуда бы иначе он взялся в нашем подъезде, где консьерж и домофон?

Снова серенький, в голубизну, а глаза жёлтые. Породистый был, английский. Такой, я потом узнавал в компьютере, стоит чуть не десять тысяч, а мне, видите ли, даром достался. Я как раз тогда компьютером увлёкся – на пенсии-то что ещё делать? Рыбалку там или домино я никогда не любил, а вот с компьютером у нас сразу же заладилось. На «Одноклассниках» зарегистрировался, нашёл наших с Машей давних знакомых – поглядел на них – и закрыл от греха подальше. Все они хоть и старые, но счастливые. Пусть толстые и с лысынами, зато с внуками сопливыми на коленках...

У меня, Ниночка, всей компании был кот. Назвал я его Джеком – пусть и собачье имя, зато английское. И подходило к нему очень.

Ласковый был – вы себе не представляете! Каждый день с утра приходил для поглаживаний, крутился так и этак, мурлыкал... И еще, не поверите, разговаривал! Говорил вот этак: «Мяу-ма!» Почти как «мама». Это он меня так звал – «мама». И сидел как статуэтка – не шелохнувшись.

Хлопот с Джеком никаких не было – ходить он сразу приучился в старый, ещё Мишкин, лоток (Мишка туда нечасто хаживал). Есть любил только из чистых мисочек – неважно, какой корм, лишь бы кругом аккуратность. В общем, не кот, а радость – мне его, вот правда, что Бог послал в награду за жизненные скорби.

Потом уже мне Наташа объяснила, что эта английская порода была известна в Средние века в качестве кот-охранников. Будто бы изображения предков Джека даже встречались на старинных гобеленах: такой кот был страшней собаки, мог кинуться на обидчиков и загрызть насмерть.

Кто такая Наташа? А я не сказал разве? Наташа была моя внучатая племянница – сама нашла меня в компьютере, приехала в гости и осталась жить в моей квартире.

Она выросла в Тюменской области, село Ярково. Там всех достопримечательностей – две газпромовских заправки и деревня Григория Распутина, но до неё ещё ехать надо.

Наташа окончила институт в Тюмени, но хорошей работы найти не смогла, и ей присоветовали попытаться счастья у нас в городе. Про меня кто-то из родственников вспомнил – ну и я подумал: ничего страшного, если будет рядом жить какой-то человек. Седьмая вода на киселе – а всё равно кровь не водица.

Выглядела Наташа странно – стрижка короткая, одежда мужская, голос грубый: со стороны не поймёшь, девка или парень. Руки все в татуировках по самые плечи – называется «рукава». Работу она не искала – целые дни сидела в компьютере, в наушниках. Вечером выходила ненадолго до магазина – энергетическую газводу покупала, чипсы и шоколад, так и питалась. Но зато умная была, начитанная. Про кота всё с уверенностью мне объяснила, и вообще я с ней рядом как-то оттаял немного. Живой человек всё-таки.

Джек Наташу принял, полюбил. Тоже стал звать «мяу-ма» – и спать иногда приходил к ней в комнату, бывшую Машину-Антошину. Она его фотографии делала на телефон и выкладывала на своей страничке. Звала его «Джеккил», а меня просто – «дед»...

Эх, Ниночка, вот так начинаешь свою жизнь вслух пересказывать и понимаешь, как в ней было мало событий... Ведь жизнь-то длинная, долгая, а получается, всех историй в ней на час не наберется...

Года три Наташа с нами прожила – работала дома, какие-то сайты поддерживала, ещё что-то связанное с компьютерами делала. Потом вдруг стала вечерами уходить, а я волновался, я же привык уже к ней – к её словам, походке, сигаретам... Она была мне роднее внучки,

и я скучал по ней – вся моя жизнь крутилась вокруг Наташи, а она возьми и приведи в дом ту деваху.

– Знакомься, – говорит, – дед, это Милана. Можно, она с нами поживёт?

Я даже не понял сперва, о чём она, – потом-то уже догадался, когда увидел их с этой Миланой на Антошином диванчике. Тьфу, гадость!

Они же ещё и рассердились:

– Дед, стучаться надо!

Вообще-то я на своей личной жилплощади находился, между прочим. И не заслужил такого отношения – что я им, мебель? Хорошенькая мебель – и коммуналку платит, и ужин готовит, а они, значит, будут на диванах валяться и новые татуировки делать: у этой Миланы даже на шее были портачки!

Прогнал я их в шею, Ниночка, даже вещи не дал собрать – потом, говорю, придёшь, когда остыну. А она, внучечка моя единственная, даже не оглянулась ни на меня, ни на Джека, когда уходила. Слова бросила, как мусор в кусты:

– Понятно, почему ты один остался в старости. С тобой рядом всё живое гибнет! Старый хрыч ты, а не дед!

И ушла с одним своим ноутбуком – за вещами не вернулась, они и сейчас лежат на антресолях. Я иногда их достаю и рассматриваю – представляю, какой она теперь стала. У меня и Машины вещи сохранились, и Антошины даже – совсем уже ветхие, правда. Я их раскладываю на диване и разговариваю с каждым из них. А Джек рядом сидит, мурлычет... Ну то есть сидел до вчерашнего дня. Вчера он умер, Ниночка, любимый мой котик... Ушёл легко, никого не измучив, – и я его похоронил под рябинкой, рядом со старшими.

Спать, конечно, не мог – какой там сон в наши годы, да ещё и после такого. Только под утро закемарил ненадолго – и сон увидал, где все мои три кота нежатся на

солнышке, а за столом сидят мои родители, Маша, Антон с какой-то девушкой и Наташа с Миланой. Такой сладкий сон был, что я проснулся со слезами на глазах – от счастья и от печали, что даже во сне понимал: такого нет и быть не может.

И я не согласен, Ниночка, что рядом со мной всё живое погибает – вот же, все мои коты прожили долгую, счастливую жизнь! Разве не доказательство? Я никого в своей жизни не обидел, травинки просто так не измял, работал честно, о близких своих заботился с дорогой душой – так разве я виновен в том, что меня никто никогда не любил?.. Только животные любили, потому что они любят нас бескорыстно, такими, какие мы есть.

А мой четвёртый кот обязательно меня переживёт – и не я его буду хоронить, а он меня. Я заранее договорюсь с соседями, чтобы взяли его после моей смерти, – с условием, что я им квартиру отпишу. Больше-то всё равно некому.

Так что, как видите, я обо всем позаботился, как и подобает взрослому, ответственному человеку. Можете отдать мне этого котика, тем более он у вас всё равно переростыш, а ярмарка уже закрылась, пока мы тут сидели. Никто его кроме меня не возьмёт. А я возьму, если отдадите. Со скидкой.

Отдадите, Ниночка?..